
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

РОМАШОВ Роман Анатольевич,
начальник управления по работе с персоналом
ООО «Газпром межрегионгаз», доктор юриди-
ческих наук, профессор, Заслуженный деятель
науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ

***Аннотация.** Рассмотрение правоотношения в качестве вида социально-правовой коммуникации, позволяет разграничивать субъект-объектные (состояния) и субъект-субъектные (взаимодействия) отношения. В рамках конституционно-правовых отношений, состояния и взаимодействия имеют специфику, связанную прежде всего с неоднозначностью понимания таких ключевых категорий конституционного права как человек, государство, государственный суверенитет, федеративные отношения.*

***Ключевые слова:** правоотношение; конституционно-правовое состояние; конституционно-правовое взаимодействие; конституционно-правовой статус; конституционно-правовая коммуникация; конституционная правосубъектность; права человека; государственный суверенитет.*

ROMASHOV R.A.

THE THEORY OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL RELATION

***The summary.** The article considers of the relationship as a form of social and legal communication, allows to distinguish between subject-object (the state) and subject-subject (interaction) relations. Within the framework of the constitutional-legal relations, status and interactions are specifics related primarily to the ambiguity of understanding of such key categories of constitutional rights as a person, the state, state sovereignty, federal relations.*

***Key words:** legal relationship; constitutional and legal status; constitutional and legal cooperation; constitutional and legal status; constitutional and legal communications; constitutional legal personality; human rights; State sovereignty.*

1. Проблемы понимания правовых отношений

В понятийном аппарате юридической науки вплоть до настоящего времени отсутствует

унифицированный подход к пониманию феномена «правоотношение». Как правило, отмечается, что правоотношение – это «возникающая непосредственно из закона либо фактических

правомерных действий юридическая связь, стороны которой обладают субъективными правами и юридическими обязанностями» [14, стр. 477].

Если руководствоваться данным определением, то в качестве признаков правоотношения могут быть названы следующие:

- *формальные*: формой правоотношения является социальное взаимодействие (то есть правоотношение возможно тогда, когда в нем участвуют взаимодействующие субъекты, причем в качестве условия правосубъектности называется наличие у лица право- и дееспособности);
- *квалификационные*: правоотношением признается социальное взаимодействие (социальная связь), предусмотренное, одобренное и защищаемое правом (правоотношение выступает в качестве юридического антипода правонарушения. Последнее рассматривается в качестве юридического факта, являющегося предпосылкой и условием правоотношения, возникающего в сфере реализации юридической ответственности);
- *содержательные*: в рамках правоотношения субъекты реализуют корреспондирующие субъективные права и юридические обязанности.

Однако общетеоретическое понимание правоотношения в настоящий период не может рассматриваться в качестве универсального и, следовательно, нуждается в переосмыслении. Об этом свидетельствует наличие нескольких проблемных зон, в частности:

– Отсутствует единая позиция, касающаяся соотношения понятий «юридически значимое отношение» и «правоотношение». Нередко данные понятия рассматриваются как тождественные. В частности, в теории уголовного права в качестве уголовно-правового отношения рассматривается преступление. По мнению ряда авторов «Отношения, урегулированные уголовно-правовыми нормами, органично распадаются на две неоднозначные в социально-ценностном восприятии группы: на отношения необходимые, позитивные, а потому и социально-полезные и отношения отклоняющиеся, негативные и в силу этого социально-вредные... Указанные группы в результате их юридического оформления приобретают статус правоотношений, в

том числе и уголовных» [13, стр. 14]. Отмечается, что «Уголовное правоотношение возникает в момент совершения преступления. Оно заключается в обязанности государства раскрыть преступление, установить виновного и применить к нему уголовно-правовые меры, предусмотренные законом» [12, стр. 74-75]. Смещение двух полярных юридических категорий, каковыми являются правонарушение (преступление) и правоотношение, влечет возникновение коллизии между общетеоретической и отраслевой (в частности, уголовно-правовой) дефинициями правоотношения, а это в свою очередь влечет «размывание» смысловой нагрузки которую несет данная юридическая конструкция.

– рассмотрение правоотношения в качестве вида социально-правовой коммуникации, предполагает участие двух и более персонифицированных сторон (право- дееспособных субъектов). Вместе с тем в теории права выделяются абсолютные правоотношения, в которых персонифицирован только один субъект (отношение, связанное с реализацией права собственности, когда правомочие, касающееся владения, пользования, распоряжения вещью со стороны конкретного собственника связывается с обязательствами неопределенного круга субъектов воздерживаться от совершения действий, способных причинить ущерб имущественным интересам собственника). Если взять за основу уголовно-правовую модель правоотношения – преступления, то получается, что в нем субъектный состав ограничивается личностью преступника. При этом лицо (индивид, коллективное образование, государство), на законные интересы которого посягал преступник, рассматривается в качестве... объекта (!!!) преступного посягательства;

– традиционно в качестве субъекта правоотношения рассматривается правосубъектное лицо (субъект права) [5, стр. 82]. Вместе с тем в ряде случаев фактическим участником правоотношения выступает лицо с неполной дееспособностью (гражданско-правовые отношения, связанные с совершением сделок). Кроме того, применительно к ряду субъектов достаточно тяжело точно определить момент приобретения ими правосубъектности. Так, если в качестве субъекта рассматривать государство, то возникает вопрос, с какого момента государство может выступать в качестве самостоятельного субъекта международно-правовых отношений (с момента

самопровозглашения, либо с момента международного признания? Если за основу принимать второй критерий, то возникает следующий вопрос, с каким количеством и каких государств связывается факт международного признания государства?).

Перечень нерешенных проблем в области теории правоотношения можно продолжить, но и из перечисленного, думается, понятно, что категория «правоотношение» в настоящий момент вряд ли может претендовать на положение универсальной, общеправовой догмы.

2. Правовые состояния и взаимодействия как системные элементы юридической конструкции правоотношения

Придать общетеоретической категории правоотношения большую конструктивность, возможно если включить в ее системную конструкцию две содержательные формы социальных отношений: состояние и взаимодействие. Состояние – это отношение субъекта к чему-либо (кому-либо), взаимодействие – это отношение субъекта с кем-либо. Таким образом, и правовые состояния, и правовые взаимодействия следует рассматривать в качестве элементов юридически значимых отношений [11, стр. 15].

Правовое состояние – урегулированное (предусмотренное) действующим законодательством положение субъекта в правовом пространстве, характеризующее субъект-объектное отношение. В основу содержания правового состояния положено понимание правосубъектности и правового статуса субъекта. Отношения состояния характеризуют субъекта безотносительно совершаемых/несовершаемых им деяний. Сам факт нахождения субъекта в том или ином состоянии характеризует его в качестве субъекта права и правового отношения.

Классификация правовых состояний:

а) по способу установления и юридического закрепления:

- объективные (жизнь, смерть): устанавливаются по факту и предполагают регистрацию того или иного состояния в органах ЗАГС;
- субъективные (виновность, невиновность): предполагают признание факта правового состояния соответствующим решением компетентного органа (должностного лица). Данное решение выносится в порядке административного (судебного)

усмотрения и в любом случае является субъективным;

б) по юридической оценке:

- правомерные нормативные (гражданство, дееспособность);
- правомерные девиантные (алкогольное опьянение, усталость);
- противоправные (наркотическая зависимость, членство в преступной организации).

в) по времени:

- постоянные (гражданство);
- временные (государственная служба).

Формы правового состояния – с определенной долей условности следует выделить две основных формы правовых состояний:

- состояние подзаконности – совокупность позитивных интересов, возможностей и долженствований предопределяющих законопослушное поведение субъекта;
- состояние противозаконности – совокупность целевых установок, мотивов, возможностей и долженствований предопределяющих противозаконное поведение субъекта.

Правовое взаимодействие – это урегулированное (предусмотренное) правом отношение, связывающее двух и более персонифицированных субъектов, реализующих в рамках данного отношения свои разнонаправленные интересы. По мнению В. Ю. Панченко, «правовое взаимодействие представляет собой вид и форму социального взаимодействия, способ осуществления общественных связей через взаимный обмен субъектов юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, посредством которого осуществляется взаимное влияние субъектов права на сознание и поведение (деятельность) друг друга, носящий информационный характер» [7, стр. 40]. Таким образом, взаимодействие вообще и правовое взаимодействие в частности является формой межсубъектной коммуникации, в рамках которой происходит «перевод» правовой информации в правовое поведение.

Классификация правовых взаимодействий:

а) по методу правового воздействия:

- субординационные (власти-подчинения);
- координационные (договорные);

б) по юридической оценке:

- правомерные;
- противоправные;

в) по системному критерию:

- внутрисистемные (урегулированные национальным законодательством);
- межсистемные (урегулированные международным правом).

Формы правовых взаимодействий:

- конфликтное взаимодействие: реализация интересов одного субъекта осуществляется за счет ущемления, причинения вреда интересам контрсубъекта (необоснованное ограничение правового статуса личности должностным лицом, совершение преступления против личности и т. п.);
- консенсуальное взаимодействие: реализация разнонаправленных интересов субъектов осуществляется посредством диалога сторон, целью которого является поиск и достижение взаимного компромисса (мировое соглашение, заключение сделок и т. п.).

3. Конституционно-правовые состояния и взаимодействия в системе конституционных правоотношений

Конституционно-правовые отношения, представляя собой одну из наиболее важных групп юридически значимых отношений опосредующих наиболее важные социальные институты и принципы, возникают «на основе конституции и иных источников конституционного права и действуют в максимально широких временных и пространственных координатах, совпадающих с действием самой конституции» [6, стр. 97]. Следует отметить, что предлагаемый нами подход, в рамках которого в конструкции правоотношения следует выделять состояния и взаимодействия, получил определенное понимание у ученых конституционалистов. В частности отмечается, что «конституционно-правовые отношения выражают *состояние* (курсив мой – Р.Р.) субъектов, их взаимоположение относительно друг друга, ответственность друг перед другом и государством» [6, стр. 98].

Конституционные отношения – состояния в ряде случаев называются учредительными. По мнению С. М. Шахрая, учредительные отношения «возникают на основе конституционных принципов, статутных, дефинитивных и иных норм общерегулятивного характера и являются ярким проявлением учредительного характера конституций и уставов» [15, стр. 14]. Конституционные отношения-состояния, представляют собой

важнейшие оценочные критерии, позволяющие говорить о том, насколько современная Россия в реальности соответствует собственному конституционно-правовому статусу. Возьмем, в качестве примера положение закрепленное ст. 2. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Сразу бросается в глаза, что в данной статье получили закрепление два индивидуальных состояния – человека и гражданина. Причем в содержании статьи заключена коллизия. Следует ли отождествлять человека и гражданина. Если это разные категории, то возникает вопрос, являются ли права и свободы гражданина равноценными по отношению к правам и свободам человека. Возникает и еще один очень важный вопрос: кто такой человек и всякий ли человек как носитель прав и свобод представляет собой ценность, заботиться о которой обязано государство? По мнению М.В. Баглая, данная конституционная норма «важна как императивное указание государству постоянно помнить о приоритете человека по отношению к власти» [1, стр. 12]. Сказано патетически. Вот только если перейти к практике правореализации. Можно ли, к примеру, говорить как о людях («человеках»), о представителях террористических организаций. Ведь войсковая операция, проводимая силами ВКС Российской Федерации в Сирии, направлена, в том числе, на физическое уничтожение людей- террористов. То, что в сводках эти люди именуется «живой силой противника», связано с формой произношения, но не с сутью целенаправленной деятельности. «Полевые командиры Башар Мухамед-эль Катур и Мухамед Изамель уничтожены в Сирии, сообщил журналистам начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-лейтенант Сергей Рудской» [3]. Получается, что сам факт отнесения человека к правовому состоянию членства в террористической операции равнозначен смертному приговору. Причем приговор этот выносится заочно, в отношении не отдельно взятого конкретного лица, обвиняемого специальными судебными органами в совершении конкретного преступления, а в отношении всех тех, кто вольно или невольно попал в зону проведения антитеррористической операции, которая не является видом войны, поскольку в юридическом смысле войну ни России, ни Сирии «Исламское

государство ИГИЛ» не объявляло, равно как и названные страны не объявляли войну ИГИЛ, в силу отсутствия у последнего формального статуса государства (международной организации). По сути, речь идет о государственном терроре, как форме узаконенной, но не правовой (в смысле не опирающейся на материальное и процессуальное право и не облеченной в процессуальную правовую форму) осуществляемой от имени государства агрессивной деятельности. От того, можно ли говорить о террористе как о человеке, зависит и ответ на вопрос, можно ли применять к террористу пытки. Журналисты отмечают, что «американские СМИ и общественность развернули споры по вопросу допустимости пыток в отношении международных террористов. В ходе дискуссии обозначились два противоположных направления. Представители «непримиримых» полагают, что события связанные с террористической атакой 11 сентября 2001 г. позволяют при рассмотрении дел подозреваемых в международном терроризме отказаться от гуманистических принципов Конституции США, в том числе – и от положений о презумпции невиновности. В свою очередь оппонировавшая сторона считает, что сила Америки в защите гражданских прав, и перестав следовать своим основным принципам, страна изменит сама себе» [4]. Полагаю, что для России, ответы на поставленные вопросы имеют не меньшее значение.

Еще один пример конституционного отношения состояния. Ст. 3 п. 1 гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Практически во всех учебниках по конституционному праву, народ рассматривается в качестве субъекта конституционно-правовых отношений [1, стр. 12; 15, стр. 16] Некоторые авторы, считают народ «главным субъектом» [6, стр. 99] (кстати, М.В. Баглай считает, что «главным субъектом конституционных правоотношений является человек, – причем, что не маловажно, – как в статусе гражданина, так и без него» [1, стр. 12]). Однако, если мы посмотрим конституции национальных субъектов Российской Федерации, то увидим, что Конституция Татарстана выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа; Конституция Башкортостана принята от имени многонационального народа Республики

Башкортостан»; Конституция Калмыкии – от имени многонационального народа Республики Калмыкия. Получается, своего рода «матрешечная конструкция». Многонациональный народ Российской Федерации, включает в себя многонациональные народы национальных республик. При этом, в многонациональном российском народе, объединяющем многонациональные народы национальных субъектов Российской Федерации, так же как и в СССР не нашлось места для многонационального русского народа, не имевшего и не имеющего в федерации (ни в Советской, ни в современной Российской) собственной автономии. Недавно Президент России В.В. Путин высказал упрек в адрес В.И. Ленина: «Управлять течением мысли это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом» [9]. То конституционно-правовое состояние, в котором находится, в настоящий момент, многонациональный российский народ, на мой взгляд ничем не отличается от состояния многонационального советского народа, объединявшего до 1991 г. очень разные по культуре и истории народы, многие из которых, к сожалению, сейчас испытывают по отношению к России отнюдь не братские и даже не добрососедские чувства. Полагать, что закрепление на конституционном уровне положения об «общей судьбе» такого же многонационального, только уже не советского, а российского народа, является гарантией сохранения национального единства на вечные (или хотя бы на относительно долгие) времена, безусловно следует. Вместе с тем, недавний исторический опыт быстротечного распада СССР наглядно свидетельствует о том, что образование субъектов федерации по национальному признаку, является предпосылкой усиления национального сепаратизма, представляющего серьезную угрозу для национального единства [10].

Отмечая дискуссионность конституционного состояния «единого многонационального народа Российской Федерации», так же следует обратить внимание, на декларативность состояния народа как носителя суверенитета,

единственного источника власти и «главного субъекта» конституционно-правовых отношений. На мой взгляд, реальным носителем государственного суверенитета, как «основополагающего критерия государства, который определяет само его бытие» [2, стр. 18], а значит и главным субъектом конституционного, а точнее все таки государственного права, является само государство, представленное аппаратом государственной бюрократии замкнутой на персонифицированном главе государства. Как называется должность главы государства Император, Председатель Верховного Совета, Президент, не столь важно, поскольку речь идет не о названии, а о функциональных полномочиях «верховного владыки» в сфере организации и осуществления государственной власти.

Конституционные отношения – взаимодействия, как уже ранее говорилось, представляют собой форму межсубъектных коммуникаций в сферах обозначенных предметом конституционно-правового регулирования. В рамках конституционно-правовых взаимодействий осуществляется реализация и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, выстраиваются связи между субъектами федерации, организуется деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также решаются проблемы связанные с внесением изменений в текст действующей конституции, разработкой и принятием новой конституции.

Конституционно-правовые взаимодействия актуализируют проблему понимания субъектов конституционного права и их соотношения. В теории правового отношения, закрепляется принцип формального равенства субъектов. Однако, применительно к конституционно-правовым отношениям, данный принцип нуждается в коррекции. Отнесение к субъектам конституционного права человека, государства, народа, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и международных организаций и т.п., не позволяет говорить не только о фактическом, но и о формальном равенстве. В частности, если говорить о соотношении человека и государства, то возникает вопрос о приоритете субъективных интересов. Если буквально толковать понимание человека, народа и государства, то следует прежде всего ответить на вопрос, о том, что является частью целого и

насколько часть может главенствовать над целым, определяя при этом политику целого в отношении части. Позволю себе повториться и еще раз процитировать ст.2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью...защита прав и свобод человека ...- обязанность государства». Если толковать конституционный текст буквально, то человек является более значимым субъектом конституционно-правовых отношений, по сравнению с государством. Однако, на практике складывается иная ситуация. Патриарх Московский и Всея Руси Кирил, в своем недавнем выступлении заявил следующее: «Сегодня мы говорим о глобальной ереси человекопоклонничества, нового идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни. Ничего подобного в глобальном масштабе никогда не было. Именно на преодоление этой ереси современности, последствия которой могут иметь апокалиптические события» [8]. С учетом того положения которое занимает РПЦ в системе современного российского государства, а также принимая во внимание тот факт, что представители государственной власти никак, данное заявление не прокомментировали, можно сделать вывод, что власть позицию Патриарха разделяет и если не относит человека и его права к ересям, то уж точно, не стремится поставить их над «государственной целесообразностью».

Говоря о конституционно-правовых аспектах взаимодействия государства и личности, нельзя не затронуть и такую важную проблему как исполнение государством решений Европейского суда по правам человека. В соответствии с ФКЗ от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О конституционном Суде Российской Федерации», теперь КС РФ может разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (прежде всего, ЕСПЧ), вынесенного по жалобе, поданной против России, на основании международного договора. Исполнение таких решений может быть признано невозможным, если оно противоречит Основному закону страны. Решения не должны также противоречить истолкованию Конституции, которое дано КС РФ [16]. Получается, что и в данной области интересы государства превалируют над правами человека, только здесь речь уже идет о приоритете государственных (читай конституционных) норм по отношению к нормам

международного права.

Отсутствие равенства между государством и личностью в процессе конституционно-правового взаимодействия обуславливает особую форму данной коммуникации. Человек для государства выступает не в качестве субъекта, а как объект управленческого воздействия. При этом понимание государства как единого социально-политического образования («государственного целого»), обуславливает понимание индивида в качестве элемента государственного механизма, который вне государства не имеет самостоятельной ценности. При таком отношении, государство обладает практически безграничными возможностями вмешательства в сферу частных интересов. Направлениями такого вмешательства являются контроль за поведением частных лиц, ограничение их правового статуса, наказание за выявляемые нарушения. Применение государственных средств для защиты прав граждан рассматривается как производная от государственного принуждения функция.

Обобщая сказанное, следует сделать следующие выводы:

- конституционно-правовые отношения подразделяются на субъект-объектные (состояния) и субъект-субъектные (взаимодействия) формы юридических коммуникаций. В рамках данных коммуникаций, реализация конституционно-правовых норм может осуществляться как непосредственно заинтересованными субъектами соблюдающими запреты, исполняющими обязанности и использующими возможности, так и компетентными

государственными органами применяющими конституционно-правовые нормы в рамках властеотношений;

- конституционно-правовые состояния отражают связь субъекта действия с объектом воздействия. В современном российском конституционном праве отношениями состояниями являются гражданство, государственная власть, государственная суверенитет, местное самоуправление и др. Важнейшей проблемой является определение первичного конституционного состояния, в качестве которого, по моему мнению следует задействовать конституционное состояние индивида как человека, наделенного не зависимо от юридической квалификации индивидуального поведения определенным минимумом человеческого достоинства, не подлежащего изъятию ни при каких обстоятельствах;
- конституционно-правовые взаимодействия представляют собой межсубъектные коммуникации, в которых принимают участие различные по структуре и правовому положению субъекты. В настоящий момент, нельзя говорить о формальном равенстве между публично-правовыми интересами государства и частно-правовыми интересами корпораций и индивидов. Современное российское государство, продолжает выступать в качестве главенствующего субъекта, акцентирующего внимание, в первую очередь, на деятельности контрольно-репрессивного характера.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2006.
2. Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений: вопросы теории. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000.
3. В Сирии уничтожены два известных полевых командира террористов // <http://www.interfax.ru/world/489031>
4. В США идут споры о допустимости применения попыток в отношении террористов // http://www.newsru.com/world/03apr2002/usa_spor.html
5. Кононов В.С. Корпоративные отношения: понятие, признаки, сущность // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 9 / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М.: Норма, 2005.
6. Конституционное право Российской Федерации: Учебник / Под общ. ред. Н.В. Витрука. – М.: Норма: ИНФРА-М. 2010.
7. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: Монография. – М.: Проспект,

- 2015.
8. Патриарх Кирилл предупредил об опасности человекопоклонничества // <http://rg.ru/2016/03/20/patriarh-kirill-predupredil-ob-opasnosti-chelovekopoklonnichestva.html>
 9. Путин о Ленине: заложили бомбу под Россию, она и рванула // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2710879>
 10. Ромашов Р.А. Национальная культура как контекст государственно-правового развития России // История государства и права. – 2015. – № 12. – С. 3-9.
 11. Ромашов Р.А. Правовые состояния и взаимодействия: К вопросу о месте в категориальном аппарате юридической науки // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г.) Ч. 1. – СПб.: СПб университет МВД России, 2006.
 12. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т.1. Общая часть. / Отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М.: НОРМА, 1998.
 13. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: НОРМА, 1998.
 14. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2009.
 15. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. Издание 2-е, стереотипное / Под ред. В.П. Сальникова – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
 16. <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/676813/#ixzz44mJtsqit>

